

УДК 316.722:39

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-168-179

Е. А. Ерохина

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

leroh@mail.ru

ИНВЕРСИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМ МНОГООБРАЗИЕМ

На примере чередования мононационального и мультинационального типов управления этническим многообразием рассматривается механизм последовательного воспроизводства вестернизации и модернизации. Первый тип появляется как итог копирования европейских институциональных моделей, второй возникает как результат адаптации западных заимствований к российским реалиям. Каждая из фаз цикла российской модернизации оказывается связанной с действием одной из доминант: первая фаза – с вестернизацией, вторая имеет переходное от одной к другой доминанте значение, третья обусловлена модернизацией. Делается вывод о зависимости институциональных моделей управления этническим многообразием от инверсионных механизмов социокультурной динамики.

Ключевые слова: социокультурная динамика, инверсия, модернизация, вестернизация, модернизация, институциональная модель.

К числу значимых теоретических проблем современного социогуманитарного знания относятся вопросы, связанные с принятием или отрицанием идеи направленности истории. Первым, кто наиболее последовательно поставил вопрос о смысле и назначении истории как целенаправленного, последовательного и поступательного процесса, был Аврелий Августин [1998]. С тех пор философия истории остается ареной ожесточенных дискуссий вокруг идеи телеологической модели истории, выявления роли закономерности и случайности в историческом процессе, поиска адекватной парадигмы объяснения исторического процесса. Эти дискуссии нашли свое отражение

в философском наследии Г. Гегеля [1993], К. Маркса [1968], К. Ясперса [1991].

Конкретизация данной проблематики в исторических и смежных с историей междисциплинарных исследованиях XX в. была реализована в рамках теории модернизации, социокультурного и иных подходов. С учетом связи между переходом отдельных обществ к модерну и ростом национализма, зафиксированной в исследованиях историков и социологов, самого пристального внимания заслуживает изучение социальных флуктуаций, порождающих процессы этнического сближения и обособления, а также модели властного регулирования этносоциальных процессов в переходных обществах.

В числе аспектов обозначенной проблемы одним из наиболее дискуссионных остается вопрос о соотношении устойчивых и изменчивых факторов социокультурной динамики. Его актуализация в постсоветский период была вызвана необходимостью объяснить временную растянутость и незавершенность российской модернизации. Приверженцы и формационной теории, и западной концепции стадий экономического роста не нашли убедительного объяснения сосуществования различных, взаимно отрицающих друг друга укладов в разных сферах жизни российского общества. Не было найдено и адекватного решения проблемы «архаичного» ответа российского общества на модернизационные «вызовы» государства.

Парадокс сосуществования типологически разнородных и хронологически одновременных элементов в социальной структуре усилился по мере вовлечения России в глобализацию. Нарастание социального и этнического многообразия перед лицом глобальной унификации потребовало пересмотра идеи развития как прогресса. Данные обстоятельства обострили интерес не только к новейшим, но и к признанным, хотя и с некоторым запозданием, социальным теориям.

Одной из теорий, вызвавших интерес исследователей на рубеже XX и XXI вв., стала концепция социокультурной динамики российско-американского социолога П. А. Сорокина. Сорокин предложил заменить понятие прогресса ключевым концептом своей теории во второй половине XX в. Он полагал, что понятие социокультурной динамики станет методологическим инструментом, который даст возможность оценить роль культуры в социальных трансформациях. Динамика понималась им как волнообразный процесс внутренних изменений социокультурной системы общества в единстве ее упрощения и усложнения, интеграции и фрагментации ее подсистем [1992].

Сорокин заложил исследовательскую традицию, базовым элементом которой стали принципы цикличности исторического развития. Нельзя сказать, что идея цикличности была чем-то принципиально новым. У него были предшественники – Н. Я. Данилевский [1991], О. Шпенглер [1998а; 1998б], А. Тойнби [2001]. Новым моментом в учении Сорокина стала трехфазная модель динамических циклов. И хотя она не получила широкого распространения среди историков и социологов, сам подход, нацеленный на единство интерпретации воспроизводимых, циклических, инверсионных и невозпроизводимых, направленных, изменчивых элементов исторического развития, можно считать характерной чертой всех теорий социокультурной динамики.

Наиболее последовательно методологические традиции социокультурного подхода воспроизводятся в работах А. С. Ахиезера. В качестве ключевых для понимания социокультурной динамики России категорий Ахиезер предлагает понятия инверсии и медиации. Инверсия представляет собой циклический механизм воспроизводства привычных форм социальной жизни. «Для инверсии характерна напряженная направленность деятельности на воспроизводство определенного типа общества» [Ахиезер, 1995. С. 5]. Логика медиации, напротив, характеризуется человеческой деятельностью, направленной на преодоление исходной ограниченности, выход на качественно новый виток [Там же]. Важно отметить, что в работах А. С. Ахиезера социокультурная динамика рассматривалась в контексте проблемы модернизации России как незападного общества.

Наиболее последовательно специфика российской модернизации описана в работах В. Г. Федотовой. Она анализирует ее, опираясь на собственную классификацию цивилизаций. Критерием выделения цивилизаций является тип развития, интегральное качество, которое включает источник развития, степень его органичности, механизм преобразований, характер и темпы развития, духовные предпосылки и образ идеального будущего. Применяя эти критерии, Федотова выделяет западную, европейско-североамериканскую цивилизацию, и ряд незападных цивилизаций «Другой Европы». Россия оказывается в их числе [2005. С. 487–493].

Ключевым понятием, объясняющим судьбу и идентификацию России как незападного общества, является понятие «инновация». Традиционно и не без оснований Запад рассматривается в научной литературе как источник заимствований. В исторических ситуациях, когда Россия сама способна выступать центром инноваций, Запад, тем не менее, остается для нее «вызовом», побуждающим внедрять ново-

введения на мобилизационной основе. Это, по мнению Федотовой, позволяет охарактеризовать российскую модернизацию как неорганическую, догоняющую и неравномерную. Невысокая оценка темпа социальных изменений обусловлена определенной идеализацией Европы и Северной Америки. Российские элиты зачастую рассматривают свою страну не как отдельную цивилизацию, а как отсталую Европу. Отсюда исходят причины ложного образа будущего, который заключается в наивной вере в возможность превращения своей страны в западное общество. Поскольку современность является ускользающим феноменом, элиты «Другой Европы» по факту копируют образ «вчерашнего дня» [Там же. С. 225–226]. Таким образом, в этих дискуссиях мы видим, что ключевым моментом интерпретации процесса социокультурного развития остается вопрос об обратимости прогресса и воспроизводимости определенных, в том числе традиционных и архаических, а также этнически-специфических характеристик развития на тех или иных конкретно-исторических этапах. Это еще раз побуждает обратиться к логике инверсионных механизмов развития, не умаляя при этом значения социальных изменений.

Современные версии теории модернизации содержат допущение о множественности путей перехода к модерну. В исследованиях Й. Арнасона [2011], В. Пантина [2002], В. Лапкина [2002] предложенная Ш. Айзенштадтом идея множественности модернизмов раскрывается обращением, в том числе, и к советскому опыту, опровергающему представление об обществах социалистического типа как антимодернизационных. В этом свете модернизация российского общества предстает как единство взаимосвязанных тенденций, одна из которых содержит вестернизационную доминанту, а другая – автомодернизационную.

Это открывает возможность провести разграничение между модернизацией и вестернизацией. Последняя представляет собой прямой перенос структур, технологий и образа жизни западного общества в иные социокультурные среды. Отличительной чертой вестернизации от модернизации является колониализм, который силой навязывал незападным обществам западные ценности. Как отмечает В. Г. Федотова, вестернизацию можно рассматривать и как самостоятельную модель модернизации, и как часть любой другой модели. В контексте проблемы взаимосвязи между переходом к современности и ростом национализма представляется обоснованным рассмотреть автомодернизацию как самостоятельный вектор модернизации в незападном мире [2005. С. 172–175].

В свою очередь, данное разграничение позволяет охарактеризовать вестернизацию, элементом которой является, например, мононациональная модель государственного строительства (один народ – одно государство – одна культура), как одну из сторон модернизации. Наряду с вестернизацией модернизация содержит также автомодернизацию, которая заключается в апробации собственных моделей внедрения инноваций, в том числе таких, которые учитывают наличное этнокультурное многообразие.

Такая перспектива позволяет проанализировать инверсионный механизм воспроизводства устойчивых форм этносоциального и этнокультурного развития российского общества с использованием элементов социокультурного подхода. Например, выделить хронологические периоды российской истории, каждый из которых отражает определенную ориентацию либо на внедрение западных институциональных моделей управления этническим многообразием, либо на апробацию его незападных моделей.

Устойчивость воспроизводства вестернизации и автомодернизации в процессе государственного регулирования межэтнических отношений ярко проявилась, например, в чередовании моно- и мультинациональных типов управления этносоциальными процессами в Российской империи и СССР. Оба типа являются вариациями национальной модели: первый тип внедрялся в практики государственного управления методом копирования европейских образцов, второй тип – методом адаптации западных заимствований к социокультурным условиям России и апробации собственных практик регулирования межэтнических отношений.

Вестернизационный тренд государственного регулирования проводился вместе с курсом на унификацию, что в условиях российского общества проявлялось в русификации. Под русификацией понимается комплекс мер государственного регулирования этнического многообразия, направленный на внедрение русского языка в администрирование, судо- и делопроизводство, гражданскую и военную службу на всей территории Российской империи / СССР. Автомодернизация в управлении этническим многообразием России проявилась в поддержке языков и идентичности недоминантных этнических групп. Данная политика имела целью сгладить социальные противоречия между доминирующей и недоминантными этническими группами и сократить культурную дистанцию между их представителями. Курс на автомодернизацию системы национальных отношений отражает линию на интеграцию без культурной гомогенизации. Если русификация является элементом мононационального типа управления

со всеми его классическими атрибутами (культурная унификация и гомогенизация), то интеграцию без ассимиляции правомерно рассматривать как элемент мультинационального типа регулирования.

Воспроизводство устойчивых форм социокультурной динамики в работе институциональных моделей регулирования этносоциальных процессов фиксируется в комплексах мер, осуществляемых государственной властью в сфере управления этническим многообразием. Так, например, для первой фазы цикла, фазы внедрения западных заимствований, общими характерными чертами являются усиление унификации, искусственное ограничение этнической мозаичности, бюрократизация этноконфессиональных отношений. Ориентация на мононациональную модель как одну из инверсионных форм социокультурной динамики запускается в действие инновациям в результате заимствования культурных моделей (петровская и пост-петровская модернизация, 1703–1762 гг.), социальных преобразований (пред- и пореформенная модернизация, 1833–1905 гг.), смены уклада (большевистская индустриализация, 1933–1953 гг.).

Аргументом в пользу выделения данных инверсионных фаз динамического цикла является фиксация правительственных мер в отношении этнического большинства и недоминантных меньшинств в качестве мер государственной политики. Для петровской и пост-петровской модернизации характерны следующие черты: государственная поддержка политики христианизации неславянских народов; изъятие земель, находившихся в распоряжении степных народов (башкир, калмыков, ногайцев), под поместья, крестьянские наделы и казенные заводы; использование военной силы для подавления волнений на национальных окраинах (на Украине, в Поволжье, в Сибири). В качестве начальной точки цикла и его первой фазы избрана закладка новой столицы, Санкт-Петербурга.

В отношении пред- и пореформенной модернизации можно отметить утверждение идеологического принципа «Православие, самодержавие, народность», русификацию образования, администрирования, судо- и делопроизводства, подавление конкурирующих с русским национальных проектов, войну на Кавказе и завоевание Туркестана.

В контексте большевистской индустриализации упоминаются такие меры, как, например, переход алфавитов младописьменных языков с латиницы на кириллицу, принудительное переселение и депортация народов СССР, политическое преследование «автономистов», репрессии против служителей культа.

Аналогичным образом выделяется и вторая фаза цикла, фаза адаптации западных заимствований к отечественному социокультурному опыту, сопряженная с расширением личных и политических прав и свобод, утверждением ценности этнического многообразия, поиском межконфессионального согласия. Ее характерными чертами являются, во-первых, кооптация иноэтничных элит и передача им престижных функций в государственном аппарате; во-вторых, подчинение «национальной» политики интересам государственной безопасности, понимаемой как обеспечение территориальной целостности; в-третьих, учет исторически сложившихся на национальных окраинах форм подданства и вероисповедания. Вместе с тем она отличается крайней противоречивостью, так как наряду с частичной либерализацией сохраняются репрессивные механизмы подавления «выходящей за пределы дозволенного» манифестации культурной и религиозной идентичности.

Особенности воспроизводства инверсионных форм второй, следующей за первой, фазы цикла социокультурной динамики можно выделить на примере следующих периодов российской истории. Сначала стоит упомянуть период имперского подъема (1762–1800 гг.), который начинается с запрета религиозных гонений против инославных конфессий Петром III и завершается воцарением Александра I, внутренняя политика которого в отношении недоминантных этносов и конфессий отличалась особым либерализмом даже по сравнению с мерами, предпринятыми его дедом, бабкой и отцом. Им, в частности, утверждено «Положение для евреев», частично уравнивающее эту группу подданных с другими категориями в области свободы вероисповедания, образования детей, предпринимательства. В указанный период Екатерина II издает закон о веротерпимости и утверждает учреждение «Духовного собрания магометанского закона», Павел I публикует указ о свободе культов для всех конфессий, в том числе старообрядцев, происходит отказ от русификации татар.

Следующий, «революционный» период (1905–1922 гг.) инициируется развитием российского парламентаризма, завоевания которого в ходе революции 1905 г. открыли возможность перед недоминантными этническими группами российского общества отстаивать свои права на культурную самобытность политическими средствами. Данный период сопровождался подъемом этнических, религиозных и автономистских движений, заявивших о своих политических правах, и завершился образованием СССР.

Наконец, следует отметить также и «Оттепель» (1953–1968 гг.), которая начинается после смерти И. В. Сталина. Она останавливает все

политические процессы с национальным подтекстом. Данный период сопровождался реабилитацией депортированных народов и завершился формальным торжеством советского федерализма при существенном укреплении позиций национальных элит, обязанных своим карьерным восхождением членству в КПСС.

Третья фаза, фаза апробации собственных моделей управления этническим многообразием, характеризуется ориентацией на самодостаточность этнических групп внутри общества, развитием двуязычия, преобразованием этнокультурных движений в общественно-политические. В данной фазе цикла расширяется плюрализм в управлении этническим многообразием, вырабатываются новые институциональные модели воспроизводства и сохранения этничности недоминантных сообществ, осуществляется позитивная дискриминация доминирующей этнической группы (русских). Вместе с тем отметим, что в данной фазе межэтнический баланс между группами большинства и меньшинств приобретает неустойчивость, требует для своей пересборки новых принципов консенсуса.

Элементы мультинационального типа регулирования последовательно прослеживаются на протяжении трех этапов истории России: «либерального» (1800–1833 гг.), раннесоветского (1922–1933 гг.) и позднесоветского периодов (1968–1989 гг.). «Либеральный» период начинается с воцарения Александра I и завершается возобновлением репрессивной политики в отношении религиозных меньшинств. Мерами государственного регулирования, позволяющими оценивать данный период как период, в рамках которого возобладали мультинациональная доминанта управления, следует считать первые попытки интеграции евреев в социокультурное пространство Российской империи, внедрение конституционного правления в Финляндии и Польше, придание особого статуса народам Сибири по реформе М. Сперанского. Поскольку третья фаза является последней фазой цикла, постольку можно говорить об окончании старого и запуске нового цикла.

Раннесоветский период начинается с образования СССР и завершается национально-территориальным размежеванием советских союзных и автономных республик. Элементами управления, позволяющими отнести данный период к третьей фазе цикла, являются внедрение советской модели нациестроительства на принципах национального самоопределения в союзных и автономных республиках СССР, коренизация элит, разработка алфавитов бесписьменных прежде языков.

Наконец, позднесоветский период начинается с провозглашения политики «расцвета и сближения» социалистических наций и завершается провозглашением национальной независимости республик Прибалтики и Закавказья. Это период «зрелого» или «развитого» социализма, создания множества национально-культурных обществ, расцвета «деревенской» литературы, начала суверенизации – процесса обретения автономными республиками самостоятельного статуса в составе России.

Таким образом, каждая из фаз цикла оказывается связанной с действием одной из доминант: первая фаза – с вестернизацией и мононациональной моделью управления многообразием этносов и конфессий, вторая фаза имеет переходное значение, разворачивание третьей обусловлено ориентацией на автомодернизацию и мультинациональный плюрализм. Всего в истории российской модернизации можно выделить три таких цикла: доиндустриальный (1703–1833 гг.), агроиндустриальный (1833–1933 гг.), индустриальный (1933–1989 гг.), каждый из которых, как отмечалось выше, запускался внедрением социальных инноваций определенного типа.

Данная схема является гипотетической и нуждается в дальнейшей эмпирической апробации с опорой на исторические источники и методологию исторического исследования применительно к российским реалиям. Однако с уверенностью можно утверждать, что чередование вестернизированных и самобытных институциональных моделей управления этническим многообразием позволяет решить вопрос об их зависимости от инверсионных механизмов социокультурной динамики положительно.

Список литературы

Августин Аврелий. Творения / Переизд. пер. Киевской духовной академии (1879–1908): В 4 ч. СПб.: Алетейя; Киев: Уцимм-пресс, 1998. Ч. 4: О Граде Божьем, кн. 14–22. 592 с.

Айзенштадт Ш. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 190–212.

Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социол. журн. 2011. № 1. С. 10–35.

Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3–57.

Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 400 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

Лапкин В. В. Циклы, ритмы, волны: проблема моделирования политического развития // Полис. 2002. № 4. С. 26–31.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 46, ч. 1. 317 с.

Пантин В. И. Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития // Полис. 2002. № 4. С. 19–25.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Тойнби А. Постижение истории: Избранное. М.: Айрис-Пресс, 2001. 638 с.

Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М.: Мысль, 1998а. Т. 1: Образ и действительность. 667 с.

Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М.: Мысль, 1998б. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. 607 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Материал поступил в редколлегию 10.10.2018

E. A. Erokhina

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

leroh@mail.ru

INVERSION MECHANISMS OF SOCIOCULTURAL DYNAMICS AND INSTITUTIONAL MODELS OF ETHIC DIVERSITY MANAGEMENT

The author uses the example of alternating mono-national and multinational types of ethnic diversity management to consider the mechanism of consistent reproduction of westernization and auto-modernization. The first type appears as a result of copying European institutional models, and the second type emerges as a result of adaptation of western borrowings to Russian realities. Each phase of Russian

modernization cycles turns out to be connected with the work of one of dominants: the first phase - with westernization, the second phase is transitory and the third phase is due to auto-modernization. A conclusion is made about the dependence of institutional models of ethnic diversity management on the inversion mechanisms of socio-cultural dynamics.

Keywords: sociocultural dynamics, inversion, modernization, westernization, auto-modernization, institutional model.

References

Ahiezer A. S. Rossiya: nekotorye problemy sociokulturno dinamiki [Russia: Some Problems of Sociocultural Dynamics]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1995, no. 1, p. 3–57. (In Russ.)

Arnason J. Kommunizm i modern [Communism and Modern]. *Sociological Journal*, 2011, no. 1, p. 10–35. (In Russ.)

Augustinus Aurelius. O Grade Bozh'em [About the City of God]. *Tvoreniya* [Creations: Ch. 4. Kn. 14–22]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., Kiev, Ucimm-press, 1998. (In Russ.)

Danilevskii N. Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. (In Russ.)

Eisenstadt Sh. Konstruktivnye elementy velikih revolyutsii: kultura, sotsialnaya struktura, istoriya i chelovecheskaya deyatelnost [The Constructive Elements of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Activity]. *THESIS*, 1993, vol. 1, no. 2, p. 190–212. (In Russ.)

Fedotova V. G. *Horoshee obschestvo* [Good Society]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2005. (In Russ.)

Hegel G. *Leksii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. St. Petersburg, Nauka, 1993. (In Russ.)

Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and the Purpose of History]. Moscow, Politizdat, 1991. (In Russ.)

Lapkin V. V. Tsykly, ritmy, volny: problema modelirovaniya politicheskogo razvitiya [Cycles, Rhythms, Waves: the Problem of Modeling Political Development]. *Polis*, 2002, no. 4, p. 26–31. (In Russ.)

Marks K. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 g. [Economic Manuscripts of 1857–1859]. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd edition. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury, 1968, vol. 46, ch. 1. (In Russ.)

Pantin V. I. Vozmozhnosti tsiklicheski-volnovogo podhoda k analizu politicheskogo razvitiya [Possibilities of a Cyclically-Wave Approach to the Analysis of Political Development]. *Polis*, 2002, no. 4, p. 19–25. (In Russ.)

Shpengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii: V 2 t.* [*The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History: In 2 vols.*]. Moscow, Mysl' Publ., 1998a, vol. 1: *Obraz i deistvitelnost* [Image and Reality]. (In Russ.)

Shpengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii: V 2 t.* [*The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History: In 2 vols.*]. Moscow, Mysl' Publ., 1998b, vol. 2: *Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [World Historical Perspectives]. (In Russ.)

Sorokin P. A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obschestvo* [*The Person. The Civilization. The Society*]. Moscow, Politizdat, 1992. (In Russ.)

Toynbee A. *Postizhenie istorii: izbrannoe* [*Comprehension of History: The Favorites*]. Moscow, Airis-Press, 2001. (In Russ.)